
И. Н. ТЯПИН

КОНЦЕПЦИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ: ЭТИКО- ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена анализу концепции гендерного конструирования в контексте проблемы лженауки как инструмента трансформации глобального миропорядка. Рассматривается характер взаимосвязи гендерного учения и феминистской идеологии, особенно ее третьей волны. В рамках анализа основных постулатов концепции гендера и эмпирико-теоретического содержания отдельных работ, непосредственно использующих гендерную методологию, выделяется перечень доказательств логической противоречивости, манипулятивности и лженаучности концепции гендерного конструирования, связанных с проявлением в рамках гендерных исследований редукционизма, абстрактного социологизаторства, неадекватной интерпретации биологических, психологических и культурно-исторических фактов и явлений, подменой значения понятий, систематическим нарушением принципов историзма и объективности рассмотрения. Констатируется, что в рамках гендерных исследований не удалось достичь по-настоящему революционных результатов научного характера ни в одной из областей социально-гуманитарного познания в связи с отсутствием внятной самоидентификации гендерологии по линии «сциентизм – антисциентизм», а также из-за претензии на превращение гендера в универсальную методологию. Делается вывод о том, что гендерные исследования обосновывают дискриминацию и нарушение основополагающих прав и свобод человека.

Ключевые слова: гендер, феминизм, постмодернизм, лженаука, социальный порядок.

The article analyzes the concept of gender construction in the context of the problem of pseudoscience as a tool of transformation of the global world order. The nature of interrelationship between gender teaching and feminist ideology, especially its “third wave” is considered. In the framework of the analysis of the main postulates of the concept of gender and of the empirical

and theoretical content of certain works that directly use the gender methodology, we define a list of proofs of the logical inconsistency, manipulability and pseudoscience of the concept of gender construction associated with the manifestation of reductionism, abstract sociology, inadequate interpretation of biological, psychological and cultural-historical facts and phenomena, substitution of concepts, systematic violation of the principles of historicism and objectivity of consideration in the framework of gender studies. It is stated that within the framework of gender studies it has been impossible to achieve truly revolutionary results of a scientific nature in any of the fields of social and humanitarian knowledge due to the lack of distinct self-identification of genderology in terms of "scientism-antiscentism", as well as due to the claim to the transformation of gender into a universal methodology. It is concluded that gender studies justify discrimination and violation of fundamental human rights and freedoms.

Keywords: *gender, feminism, postmodernism, pseudoscience, social order.*

Возрастание активности лженауки в эпоху НТР не является парадоксом или случайностью, противоречащей общей тенденции эволюции современного человечества. Ее распространение во многом обусловлено приоритетом манипулятивных технологий в современном социальном управлении, в том числе на глобальном уровне. Совокупность исторически меняющихся лженаучных концепций позволяет: а) размывать, нивелировать и менять нравственные установки и принципы (будучи их постоянным «провокатором»); б) устранять в массовом сознании крайне необходимую для манипуляторов разницу между знанием и информацией; в) вызывать перманентную социальную неустойчивость, приводящую к деградации системообразующих социальных институтов, ослаблению суверенных политико-цивилизационных образований. Это особенно справедливо по отношению к трансдисциплинарным исследованиям социально-гуманитарной направленности, обладающим ярко выраженными ценностно-целевыми методологическими установками, к числу которых относится и проблематика социокультурных аспектов пола.

Понятие «гендер», бывшее до 1970-х гг. термином, употребляемым для различения грамматического рода слов, стало в последней четверти XX – начале XXI столетия центральной категорией

междисциплинарной научной области знания под названием «гендерные исследования». Различие между терминами «sex» (биологический пол) и «gender» (социокультурный пол) ввели психолог Р. Столлер и эндокринолог Д. Мони. Наиболее абстрактным определением гендера, выражающим при этом сущность самого подхода, можно считать следующие слова, которые принадлежат Э. Оукли («Пол, гендер и общество», 1972): «“Пол” является словом, которое соотнесено с биологическими различиями между мужчиной и женщиной: видимая разница в гениталиях, соответствующая разница в воспроизводящей функции. “Гендер” между тем есть предмет культуры: он соотнесен с социальной классификацией на “маскулинное” и “фемининное”... постоянство пола должно быть признано, но также должно быть (признано) разнообразие гендера» [Блохина].

По общему признанию, гендерный подход выступает современной модификацией и способом обоснования идеологии феминизма, интеллектуальными предпосылками которой были различные критические в отношении существующего общества философские и политические концепции XVIII–XIX вв. В этой связи стоит упомянуть, во-первых, *либеральную философию* Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Дж. С. Милля (работа «Подчиненность женщины»), Э. Дюркгейма (в результате социального развития «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой – интеллектуальными»), а во-вторых, теории *утопического социализма* Ш. Фурье (изобретателя термина «феминизм»), К. А. Сен-Симона, Р. Оуэна и *марксизма* (отношения между полами – один из аспектов эксплуатации в производственных отношениях).

В XX столетии дело довели до первого взгляд различные по своему содержанию и направленности теории, в которых сексуальность человека впервые начала рассматриваться в социальном и политическом контекстах. Здесь имеются в виду работы Э. Хэвлока, З. Фрейда, В. Райха, М. Мид, Г. Маркузе и других представителей Франкфуртской школы, С. де Бовуар (распределение ролей не predetermined, а связано с историческими обстоятельствами – необходимостью покорения природы с помощью физической силы,

а также психологической склонностью человека везде и всюду выделять *образ другого* для самоидентификации), сочинения М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, а также П. Бергера и Т. Лукмана (биологический пол – *социальный конструкт*, в котором разные уровни сексуальной организации тела произвольно выстроены в виде некоей иерархии). В рамках феминистского гендерного подхода статус пола перестает быть аскриптивным, а гендерные отношения рассматриваются исключительно как социально организованные отношения власти и неравенства. Биологический пол стал пониматься всего лишь как нечто условное и погруженное в гендер.

Все перечисленное составило концептуально-методологическую опору так называемой *третьей волны* феминистского движения, возникшей в конце XX в. Ситуацию, когда освобождение женщины в юридическом и ином отношении не привело к радикальному изменению ее социокультурной роли, необходимо было как-то рационально объяснить, а также предложить пути решения «проблемы». Объяснение было найдено в рамках конспирологической теории «молчаливого мужского заговора», а также с помощью концепта «гендер», означающего совокупность гендерных стереотипов, подсознательно воспроизводящихся в социальных отношениях. Стратегия же окончательной победы стала видеться в законодательном обеспечении равенства не возможностей, а *результатов*, то есть установлении высоких процентных квот нахождения женщин на престижных местах в бизнесе, политике и т. д.

Современный феминизм разделился на десятки течений (интерсекционистское, сепаратистское, анархистское и др.) и обрел благодаря использованию постструктуралистской методологии иной уклон, который был назван «мечтой отовсюду» (включение в свой круг квир-сообществ). Философской основой представления о множественности гендеров послужили постмодернистская заинтересованность во всем «неструктурном» и маргинальном, методологическая убежденность в ценности пролиферации, когда «все сгодится» (П. Фейерабенд). В результате Дж. Батлер объявляет «биологический пол» «нормативным фантазмом», навязанным «режимом гетеросексуальной гегемонии». Отсюда следует ставший уже штам-

пом всех гендерных работ призыв к «деконструкции гетеронормативной матрицы».

Дж. Батлер, в свою очередь, явно отталкивалась от работ М. Фуко: по нему тело выступает пространством, на которое власть не только воздействует, но и посредством которого функционирует. Фуко ввел понятие «политики тела», которые понимаются как «совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания» [Фуко 1999: 44]. К телу каждой социальной группы предъявляются определенные требования, стандарты, так что в любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства. В итоге содержался «логический» намек на то, что самостоятельное желание переделать тело (например, посредством смены пола или хотя бы внехирургических методов: отказа от стандартов с помощью упражнений, диет, отрицания принятого костюма) есть освобождение от деспотизма власти.

К концу XX в. уже широко распространились не только гендерная социология и психология, но и гендерная история (начало положила статья Дж. Скотт «Гендер: полезная категория исторического анализа») с ее стержнем – исторической феминисткой, а также гендерная лингвистика.

Самый популярный, постоянно воспроизводимый феминистками пример касается норм языка. Скажем, практически во всех европейских языках понятие «мужчина» равнозначно понятиям «муж» и «человек». Понятие «женщина» тянет лишь на значение «жена» и не является синонимом понятия «человек». Таким образом, нормы языка якобы фиксируют патриархатную установку на мужскую власть; кодируется властная гендерная асимметрия, происходят маргинализация женщины средствами языка, вытеснение женского на периферию языкового сознания и функционирования [Чикалова 2007: 96]. Для преодоления «языкового сексизма» предлагаются специальные меры по *коррекции* «андроцентричного,

патриархатного дискурса» (например, массовая замена в официальных нормах языка «пола слов» путем смены артиклей, окончаний и т. д.), причем тот очевидный факт, что соотношение слов мужского и женского рода в подавляющем большинстве языков, где языковой род существует, является практически равным, гендерных поборников не волнует.

Претензии к традиционной и даже современной культуре как «андроцентрической», «маскулинной» напрямую касаются и института науки. «Маскулинный характер» науки обнаруживается уже в определении самой науки, которое дается через использование маскулинных атрибутов: объективности, рациональности, строгости, имперсональности, свободы от ценностного влияния. Но главное, в чем выражается маскулинизм европейской науки, – это характер производства знаний. Отвергая те способы познания, которые традиционно ассоциируются с феминным (интуицию, чувственное познание), или те виды опыта, которые обычно определяются как *не мужские*, наука отворачивается от многих иных способов познания мира. Андроцентризм науки выражается в том, что объектами изучения традиционно являются мужчины (под видом «человека вообще»). Другой пример: традиционные исторические исследования касаются, как правило, событий «большой» (мужской) истории – войн, битв, революций, смены династий; а повседневная жизнь людей, считающаяся сферой деятельности женщин, редко оказывается в поле зрения исследователей. Дело дошло до требования заменить слово *history* (которое феминистки прочитывают как *hisstory*: дословно «Его история», история мужчины, на *herstory*, то есть «Ее история», история женщины). Даже иерархия наук якобы носит маскулинный характер: более престижными считаются «строгие» науки, вроде математики или физики, менее уважаемыми и «солидными» – «феминные», вроде литературоведения [Воронина 2000: 10].

Правда, нередко утверждается, что распространение гендерного подхода позволило снизить агрессивность феминизма, объединить историю и социологию мужчин, женщин и квир-сообществ, распространить ценность свободного партнерства и сотрудниче-

ства полов и гендеров. Неслучайно сами сторонники теории гендера сравнивают его с «гибкой формой для печенья». Однако, напомним, речь почти всегда идет о равенстве результатов. *Концепция равенства результата* – суть современной концепции равенства, в соответствии с которой признается, что для достижения *равных* результатов представителями различных гендерных сообществ к ним необходимо проявлять *различное* отношение, потому что жизненные условия тех и других различны, или для того, чтобы компенсировать дискриминацию в прошлом. Отсюда ключевым тезисом гендерологии становится различие между *простой дискриминацией* и *дискриминацией позитивной*, помогающей защитить права «угнетенных» социальных групп.

Гендерное толкование личности и общества (вкуче со спекулятивной трактовкой естественных прав человека) стало с конца 1990-х гг. по настоящее время идеологическим основанием политики по тотальному, кардинальному, агрессивному слову половой идентичности, созданию нового, *поло-вариабельного человека*, именуемой *Gender Mainstreaming*.

Формирование системы преследования несогласных, а также пропагандистская машина в СМИ, отработанная практика «навешивания ярлыков» (фундаментализм, гомофобия, сексизм и т. д.) и ассоциирования с понятиями, имеющими негативные коннотации (например, патриархат), наконец, расщепленность сознания современного «массового человека» (не дающая ему возможности взглянуть на проблему глобально) – все это не позволяет развернуть всестороннюю научно-методологическую критику данной идеологии и программы. Попытки обычно сводятся к апеллированию к «здравому смыслу» либо религиозным заповедям (что в современном обществе, утратившем и первое, и второе, крайне малоэффективно), или же анализу отдельных аспектов «теории». Между тем в своей совокупности перечень приводимых ниже *замечаний* методологического, логического, терминологического, содержательного плана к гендерному подходу столь широк, что позволяет квалифицировать его по существу как *лженаучное учение* (понимая под лженаукой порожденную в результате сознательного искаже-

ния фактов и выводов в личных или групповых интересах теоретическую конструкцию, содержание которой не соответствует ни нормам научного знания, ни какой-либо области действительности, а предмет либо не существует в принципе, либо существенно сфальсифицирован). Ведь, по замечанию И. Эйбл-Эйбесфельдта, «отрицать наличие врожденных различий между мужчиной и женщиной очень модно, это отвечает стремлению человека освободиться от всех ограничений, избавиться от своего биологического наследия. Но свобода не достигается путем игнорирования истины...» [Эйбл-Эйбесфельдт 1982: 11].

1. В рамках гендерных исследований мы имеем дело с рассуждениями, вытекающими из абсолютно некорректного сопоставления понятий и подмены их значения. Прежде всего это касается отождествления понятий «равенство» и «одинаковость», «неравенство» и «различие», «социальная норма» и «угнетение». Экзистенциалистско-постмодернистская слепота в вопросах важности социальных норм для обеспечения реальной позитивной свободы личности вряд ли может служить основой методологии познания и проектирования социальной действительности.

2. Противоречива и неопределенна самоидентификация сторонников теории гендера: это все-таки наука или нет? (Ценность органической взаимосвязи научного и вненаучного знания в современном типе научной рациональности не исключает их демаркации.) Претензии на научность, достоверность, связь с практикой соединяются с вышеописанной критикой «маскулинной науки», отрицанием принципа объективности, ценностной нейтральности исследования, использованием антисциентистской методологии. Запутанность и противоречивость позиции гендерологов вытекают из того обстоятельства, что вся история термина «гендер» состоит из бесконечных дебатов о том, что это такое, какая реальность стоит за этой категорией и в каком именно «месте приложения» слово «гендер» имеет смысл.

3. Представители гендерного подхода обвиняют сторонников альтернативных точек зрения во внеисторичности, эссенциализме сложившихся отношений между полами и социальными группами

вне контекста эпох и культур. Однако претензии на превращение гендера в универсальную методологию в социальных и психологических исследованиях сами являются грубым нарушением принципа историзма. Категория гендера отражает историю только *западного общества*, является инструментом анализа того общества, в котором эта категория возникла и развивалась; поэтому *метод* анализа должен соответствовать *объекту* анализа, только тогда он может рассчитывать на реальное влияние на изменение объекта.

4. Другая сторона «научной» аргументации поборников гендера – обвинение противников (тех, кто считает, что отношения, складывающиеся между полами в обществе, являются дериватами принадлежности к биологическому полу) в *биологизаторстве*. Однако гендер с самого начала представляет собой другую, не менее методологически некорректную крайность – довольно грубое *социологизаторство*. Биолого-психологические аспекты формирования сексуальности абсолютно не учитываются. При этом социологизаторство соединяется с *редукционизмом*, сведением сложного социального явления к одной внешней причине, одному фактору (в данном случае – отношениям власти и подчинения на основе большей физической силы мужчины), что противоречит азам методологии социального познания.

5. Те, кто отстаивает тезис о гендерном конструировании, некорректно подходят к проблеме биологического различия полов.

Первый вариант некорректности – сведение биологического пола только к строению гениталий (шире – особенностям строения тела) при игнорировании результатов генных, нейробиологических, психологических и социологических исследований, которые выявляют различие идентичностей мужчины и женщины с характерными для каждого пола структурой мозга, гормональным балансом, структурой психики и социального поведения.

Второй вариант состоит в том, чтобы доказать, будто с биологической точки зрения ни один человек физически (а значит, и духовно) не является исключительно женщиной или мужчиной. Так, указывается, что в яичниках и других эндокринных железах женщины вырабатываются и женские, и мужские гормоны; в половых

железах мужчины тоже есть и мужские, и женские гормоны; к тому же эстрогены и андрогены по химической структуре довольно близки. Нередко такой подход сопровождается спекуляцией на выделении внешнего морфологического пола, внутреннего морфологического пола, генетического пола и т. д., попытками противопоставлять их друг другу. Из подобных констатаций делается вывод о несущественности биологического по сравнению с гендерным, тем более что возможности современной медицины по изменению биологического пола весьма широки.

Разберем эту проблему подробнее.

Начнем с напоминания очевидного. Женщины обладают двумя хромосомами X на 23-й паре хромосом, а мужчины обладают на этой же паре XY (особый случай – хромосомные патологии: синдром Клайнфельтера, синдром Шерешевского – Тёрнера и др.; их носители лишены возможности размножения, следовательно, не могут считаться отдельными полноценными полами). Именно это отличает мужчин от женщин на генетическом уровне, что приводит ко всем биологическим различиям. *Мужчины и женщины отличаются в каждой клетке своих тел*, потому что несут отличающийся хромосомный шаблон.

Различия в работе мозга также позволяют говорить о выраженном половом диморфизме, так сказать, *церебральном поле*. Данные различия видны даже у новорожденных: девочки обращают больше внимания на лица склоняющихся к кровати людей, а мальчики – на механические игрушки. Современная наука выделяет не менее двух десятков отличий строения (в основном это касается размеров и пропорций) различных участков мозга «среднестатистических» мужчин и женщин, а также несколько важных отличий в способе функционирования мужского или женского мозга. Приведем, на наш взгляд, самые главные из них.

1) Разница в среднем объеме и массе мозга мужчины и женщины составляет порядка 10 %, в основном за счет больших полушарий, отвечающих за мышление и другие высшие функции (хотя, разумеется, индивидуальные различия в массе мозга разных людей существенно больше, чем так называемые «средние различия»

между мужчинами и женщинами); 2) количество нервных клеток в коре больших полушарий мужчины составляет порядка 11 млрд нервных клеток, а женщины – около 9 млрд; особенно выражена разница в областях, отвечающих за ассоциацию; 3) неокортекс у мужчин толще в правой части мозга, у женщин – в левой; это также обуславливает отличия в типах строения борозд и извилин [Боголепова, Малофеева 2014]; 4) мозолистое тело, соединяющее полушария, толще у женщин на 20–30 % [Куинджи 2010: 12–13]. В результате у мужчин лучше проявляются связи в пределах каждого из полушарий, а также в пределах большинства отделов коры; помимо этого у них четко разграничиваются различные структурные модули в отделах коры. У женщин обнаруживается больше межполушарных связей, хуже развито модульное строение; 5) для мозжечка (отвечающего за координацию действий) отношение обратное: у мужчин лучше развиты межполушарные связи, а модульная организация слабая [Мозг...]; 6) в женском мозге увеличена лимбическая кора, ответственная за ощущения и эмоциональные реакции; 7) зона Брока в лобной доле и зона Вернике на стыке теменной и височной долей, связанные с вербальной коммуникацией, более активны в женском мозге [Куинджи 2010: 12–13]; 8) некоторые участки гипоталамуса, а именно область BST (bed nucleus of the stria terminalis) и область SDN (sexually dimorphic nucleus – ядро сексуального диморфизма), у мужчин в 1,5–2,5 раза больше, чем у женщин, и содержат вдвое больше клеток [Гендерная...].

Именно эти различия, которые установились, вероятнее всего, на начальных этапах эволюции нашего вида, когда стала формироваться семейная структура человеческих популяций (а отнюдь не тип воспитания в детстве), в первую очередь объясняют доминирование различных психических способностей и навыков у мужчин и женщин. К примеру, мужчины лучше выполняют координированные действия, хорошо ориентируясь в пространстве. Напротив, межполушарные связи у женщин устанавливают интеграцию аналитической и интуитивной информации. Женщины имеют преимущество, если речь идет о точности, пластичности и координа-

ции в диапазоне небольших движений, выполняемых во время ручных действий.

В свою очередь, сами мозговые различия обуславливаются и дополняются влиянием стероидных половых гормонов: *андрогенов* (прежде всего тестостерона) и *эстрогенов* (эстрадиола, эстриола и эстрона), производимых половыми железами и корой надпочечников. Биохимически синтез половых гормонов – результат сложной ферментативной реакции, которая начинается с преобразования холестерина в прогестерон, затем из прогестерона образуются андрогены, а из них – эстрогены. Эта последовательность превращения гормонов имеет место в организмах обоих полов, причем все три группы гормонов присутствуют в тканях тел у представителей каждого пола. Но, в зависимости от пола, то есть в результате биохимических и гистологических половых различий в структуре желез, накапливаются и выделяются в кровь преимущественно гормоны, свойственные полу организма (например, соотношение андрогены/эстрогены у женщин детородного возраста в норме составляет 1–2/10, а соотношение тестостерона к эстрадиолу у мужчин равняется 300/1). Гормоны формируют не только *вторичные* половые признаки (тембр голоса, характер оволосения, особенности телосложения и др.), но и *третичные*, связанные с особенностями функционирования мозга и психики.

У человека (как и у большинства млекопитающих, особенно приматов) половые отличия в функционировании мозга устанавливаются во внутриутробном периоде. Соответственно, случаи гормонального дисбаланса у беременных женщин (значительный выброс тестостерона при беременности девочкой и эстрогенов – мальчиком) влияют на мозг. Экспериментально доказано (К. Дальтон, А. Муар), что повышенный уровень тестостерона улучшает способность головного мозга сконцентрироваться на чем-либо и ведет к более резкому разграничению его функций [Влияние...]. Чем более «женским» является мозг, тем менее четко разграничены функции мозговых центров. Это выяснилось после наблюдений над женщинами с синдромом Тёрнера (чрезмерно высокий уровень женских гормонов). Также и у мужчин, испытавших пониженный

гормональный уровень во время формирования мозга, был замечен более «женский рисунок» в распределении определенных функций за конкретными мозговыми центрами [Мойр, Джессел]. В свою очередь, половая дифференцировка мозга в периоде внутриутробного развития в значительной степени определяет формирование половой аутоидентификации в течение первых нескольких лет жизни.

Таким образом, можно констатировать целый комплекс врожденных (связанных с генетикой и внутриутробным развитием) отличительных физических и психических признаков мужского и женского, обуславливающих друг друга, влияющих на личность, мировоззрение, социальную самоидентификацию. В целом вся совокупность этих признаков позволяет уверенно относить подавляющее большинство людей к мужскому или женскому полу, когда порой нерезкая выраженность в одном отношении обычно компенсируется явной выраженностью в остальном. Если исключить редкие случаи явных аномалий и разбалансировки, *количество обязательно переходит в определенное качество.*

6. Лженаучность гендерных исследований обуславливается явно некорректным использованием эмпирических данных истории, социологии, этнографии, статистики для теоретических обобщений.

Во-первых, нормой для сторонников гендера является избирательный подход к выбору фактов и тенденциозность их анализа.

Так, утверждения о «продолжающейся гендерной дискриминации в вопросе оплаты труда» (женщины получают более низкую зарплату за *такую же* работу) учитывают только факт половой принадлежности представителя какой-то профессии и показатель оплаты за некий (обычно годовой или более) промежуток времени, игнорируя целый ряд обстоятельств: реальные результаты работы, больничные и отпуска по уходу за детьми и др.

Популярным способом «доказательства» выступает приведение примеров того, что определения мужественности и женственности изменчивы в разных культурах (если, скажем, сравнивать античный Рим и Европу Нового времени, различные индейские племена

Северной Америки и др.), а также в пределах одной культуры в зависимости от класса, возраста, образования, места проживания и т. д. Однако обнаруженные гендерными эмпириками различия не носят *принципиального* характера, касаются третьестепенных моментов.

Еще один аспект избирательности и тенденциозности состоит в том, что критика так называемых негативных гендерных стереотипов касается обычно только женщин и трактуется весьма вольно, из чего и вытекает вывод о тотальном социокультурном угнетении феминного и, как следствие, необходимости кардинального слома традиционной культуры. Откровенной нелепицей выглядят попытки доказать принижение женщины посредством сказок и мифов. Вот что, скажем, утверждает Р. Г. Петрова: «Достаточно вспомнить образы злой мачехи, бабы-яги, ведьмы, запирающей детей для того, чтобы их затем съесть. В сказках многих авторов, например братьев Гримм, Андерсена, содержатся мотивы темного заколдованного леса, из которого нельзя найти обратный путь. Человек, попавший в такой лес, теряет дорогу, блуждает, нередко наталкивается на домик ведьмы, где его ждет гибель. С точки зрения психоаналитической интерпретации, в описаниях такого рода имеется скрытая сексуальная символика (зияющий вход в лес, спрятанный в нем домик), имеющая отношение к женским половым органам, представляющим якобы опасность, угрозу для мужчин» [Петрова 2010: 401]. Сама обоснованность таких ассоциаций – ниже всякой критики. Кроме того, абсолютно не принимается во внимание наличие в этих же сказках и мифах отрицательных мужских персонажей, так сказать, негативных культурных стереотипов маскулинного.

Во-вторых, при всем разнообразии типов научной рациональности и классов наук в любой науке и в любую эпоху фундаментальные обобщения, выведение законов производятся на основе доминирующего, типичного, повторяющегося. В данном же случае опора производится на редкое, нетипичное, подчас аномальное. Из чего, скажем, вытекает ключевая идея множественности гендеров? Из обращения к феноменам гермафродитизма (0,004–0,05 % общего числа новорожденных), психологического (ощущения при-

надлежности себя к противоположному полу) транссексуализма (не более 0,01 % людей), гомосексуализма (не более 1–2 % в большинстве традиционных обществ; утверждение про 5–10 % представителей «нетрадиционной» ориентации в *любом* обществе – выдавание желаемого за действительное и результат навязчивой пропаганды и создания системы предпочтений). Особой статьей аргументации выступает феномен социального «третьего пола» (*бердашизма*) в некоторых традиционных культурах (хиджры, фаафафины, ксанифы, албанские «клятвенные девственницы» и др.) [Ушакин 1999: 72–77], но таких примеров, в сущности, немного, и в большинстве случаев они представляют собой способ культурной идентификации и социализации как раз индивидов с половыми отклонениями (психологическими или физиологическими).

7. Результаты применения гендерной методологии в отдельных социально-гуманитарных дисциплинах, мягко говоря, не впечатляют. Несмотря на заявленную претензию на создание новой психологии, новой истории и т. д., старательную эмпирическую работу по поиску «достойных объектов исследования», приверженцам гендера в конечном итоге не удалось что-то существенно изменить, поколебать в любой из наук, создать новые конкретно-научные картины мира, изменить парадигмы. Так, И. Р. Чикалова, не приводя никаких конкретных примеров и доказательств, заявляет следующее: «Гендерным исследованиям принадлежит особое место в обновлении исторической науки. Олицетворяющие собой нишу, где возможно и приветствуется применение нового методологического арсенала, и являющиеся примером междисциплинарности, они становятся не просто востребованным проектом у историков, но активно способствуют преодолению кризиса научного жанра, связанного с невозможностью далее использовать устаревшие догмы и штампы, в том числе присущие исторической науке» [Чикалова 2007: 100]. Между тем совершенно неясно ни то, при чем здесь кризис науки и в чем этот кризис заключается, ни то, что за устаревшие догмы и штампы имеются в виду.

Подобная безответственность суждений и выводов, к сожалению, встречается в рамках гендерных исследований на каждом ша-

гу, по мере необходимости служа то космополитическим, то шовинистическим мифам. В качестве примера второго приведем следующее утверждение, принадлежащее О. Фляк: «На протяжении своей истории Украина не знала существования патриархальной семьи, которая была основным типом семейного устройства как на Востоке, так и на Западе... Не существовало ограничений прав женщины или ее воли. Она свободно появлялась в обществе, сама или с мужем принимала участие в праздниках, имела право присутствовать и участвовать в разговоре мужчин и вообще имела большое влияние на дела семейные и государственные. Украинская отечественная история знает множество примеров, когда женщины, будучи женами гетманов, полковников, сотников, становились ближайшими советниками своих властных мужчин по любым вопросам. Поэтому украинка и в своем доме могла заниматься политикой, решать споры, влиять на ход истории» [Научные...].

8. Гендерная теория и «умеренный» феминизм позиционируются как сторонники отказа от борьбы за власть как господство, как возможность навязывать свою волю. Главной задачей феминистского движения официально провозглашена реализация идеи партнерства и сотрудничества полов, основанных на политическом, экономическом, юридическом и прочем равноправии. Но вышеописанная концепция равенства результата и привилегированного положения женщин (причем часто по основанию принадлежности к биологическому полу), гомосексуалистов, гермафродитов и т. д. этой идее очевидно противоречит. Ведь равенство означает обеспечение всем людям, независимо от их пола, национальности, вероисповедания или способностей, одинаковых *возможностей* доступа к позитивным результатам общественного развития. При этом, требуя равенства результатов за счет преимуществ, сторонники тем самым по сути признают наличие таких различий, того, что к мужчинам и женщинам необходимо проявлять различное отношение. Ранее это объяснялось компенсированием различных жизненных условий. Но в ситуации их унификации, в том числе насильственной, гендерология оказывается перед тупиком, стеной из фактов, иллюстрирующих неординарные результаты профессио-

нальной и иной деятельности мужчин и женщин, различные полוגендерные приоритеты в выборе жизненных стратегий.

9. По мнению сторонников теории конструирования гендера, в центре полоролевой теории социализации лежит процесс научения и интериоризации культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социум. Научение предполагает усвоение и воспроизведение существующих норм. Таким образом, подоплекой этого концепта объявляется представление о личности как относительно пассивной сущности, которая воспринимает, усваивает культурную данность, но не создает ее сама. Теория же конструирования гендера якобы акцентирует внимание на активности индивида, подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта: субъект *создает* гендерные правила и отношения, а не только усваивает и воспроизводит их. Однако существующая практика агрессивного навязывания мужеподобного образа женщины и феминизированного образа мужчины, морального и физического обесценивания материнства и репрессий по отношению к несогласным не оставляет личности возможности выбора. Да и сами по себе рассуждения об активности/пассивности носят спекулятивно-утопический характер. Правила и отношения в любом обществе создаются, но процесс их создания (как созидания) и эволюции по воле индивида и социальной группы возможен как что-то постепенное; в противном случае это оказывается просто разрушением социального целого, наносящим непоправимый ущерб самой личности.

10. Утверждения о самооценности всех гендеров и отсутствии запрограммированности биологических полов на какой-то определенный тип поведения и деятельности входят в логическое противоречие с весьма распространенным в самой гендерно-феминистской среде тезисом о женской неагрессивности, противопоставляемой агрессивности маскулинного. Соответственно, заявляется, что в случае пропорционального занятия представителями «немужских» гендеров высших должностей в сферах власти, управления будет достигнуто величайшее общественное благо, мир станет гораздо более гуманным, человечество будет гармонично развиваться. Однако агрессивность типична и для «феминного мира» (клас-

сический пример – гиперконфликтность в женских трудовых коллективах), правда, спектр ее традиционных проявлений и мотивы отличаются от мужской агрессивности.

Итак, в лице гендерных исследований мы имеем дело с воинствующей утопической идеологией (это можно утверждать исходя из того, что главные признаки идеологии – прямая социально-политическая направленность и стремление задать оценку желательности или нежелательности того или иного социального бытия), элиминирующей основные принципы научности, в том числе: объективности и всесторонности рассмотрения, историзма, логической непротиворечивости, соответствия эмпирического и теоретического, посылок и выводов. Стоит привести мысль К. Касториадиса о том, что «в силлогизмах современного мира посылки заимствуют свое содержание у воображаемого. И преобладание силлогизма как такового, навязчивая идея “рациональности”, отделенной от всего остального, формируют воображаемое второго порядка. Псевдорациональность современного мира – одна из исторических форм воображаемого. Она произвольна в своих конечных целях, поскольку последние не основываются на разумных основаниях» [Касториадис 2003: 52]. Создание же воображаемого и достигается посредством лженауки. В данном случае вся система лженаучных тезисов отталкивается от манипулирования представлением о том, что общественные отношения выступают как обмен деятельностью в исторически сложившихся формах, являются детерминирующей основой и одновременно социальной формой деятельности, определяющей ее способы, приемы и средства. Как отмечает Г. Куби, гендерная идеология борется: против идеала единства мужчины и женщины в браке, необходимого для служения будущему; неродившегося ребенка, потому что объявляет аборт «правом человека»; родившегося ребенка, потому что разрушает семью, так необходимую для формирования здоровой личности; семьи, потому что идеологически, социально и физически разрушает основы ее существования; научного идеала – истины и разумности, потому что превращает науку в пособницу идеологии и злоупотребляет ее ресурсами, чтобы навязать ей цели, трансформирующие общество;

свободы слова в средствах массовой информации и науке путем подавления расходящихся с нею мнений; демократии, потому что властью государства общее благо приносится в жертву интересам меньшинства [Что такое...].

Гендерные исследования прямо нацелены на девальвацию нормы и «позитивную» дискриминацию «косного» большинства, на эрозию посредством ценностной дезориентации традиций и институтов социальной и духовной сферы. Ценность социального порядка для человека вообще отрицается, данное понятие объявляется устаревшим, ибо индивид (в идеале) рассматривается как независимый от «сконструированных» ролей и моральных требований.

Литература

Блохина Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/blohina.htm> (дата обращения: 29.06.2019).

Боголепова И. Н., Малофеева Л. И. Мозг женщины, мозг мужчины. М. : ФГБУ «НЦН» РАМН, 2014.

Влияние гормональных «вливаний» на развитие интеллекта [Электронный ресурс]. URL: http://kidsgid.ru/view/vliyanie_gormonalnyh_vlivaniya_na_razvitiye_intellekta/ (дата обращения: 16.05.2019).

Воронина О. А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 9–20.

Гендерная идентичность как биологический процесс: нормальная пренатальная дифференциация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy-expert.ru/index/0-831> (дата обращения: 28.06.2019).

Касториadis К. Воображаемое установление общества в современном мире. М. : Гнозис, Логос, 2003.

Куинджи Н. Н. Гендерный подход к обучению и воспитанию детей в школе: физиологические, гигиенические и социальные аспекты. М. : Пашков дом, 2010.

Мозг мужчин и женщин отличается ориентацией нейронных связей [Электронный ресурс]. URL: http://kpfu.ru/unit_forum.startpage?p1=&p2=&p_id=&p_h=DC1DFB8C3650FD63D8A3963507159D01&p_parent=345&p_tp=comment_struct (дата обращения: 10.07.2019).

Мойр Э., Джессел Д. Пол мозга. Истинные отличия мужчин от женщин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3815049/> (дата обращения: 12.07.2019).

Научные дискуссии о «гендере» и образовании в Беларуси и Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/5196.html> (дата обращения: 24.07.2019).

Петрова Р. Г. Гендерология и феминология. М. : Дашков и К°, 2010.

Ушакин С. А. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 71–85.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.

Чикалова И. Р. Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 3. Мінск, 2007. С. 89–100.

Что такое гендер и гендерная идеология [Электронный ресурс]. URL: <http://spasi.in.ua/?p=685> (дата обращения: 08.07.2019).

Эйбл-Эйбесфельдт И. Поведение детей: культуры народов Ко-Сан, Яномами, Химба и Эйпо // Культуры. 1982. № 4. С. 5–29.